

ОБРАЗ ВЛАСТИ В РОССИИ И ЕГО БАЗОВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Целью статьи является анализ образа власти – совокупности представлений о власти, продиктованных спецификой политической культуры страны. Рассматриваются конкретные противоречия между характеристиками традиционной модели образа власти, свойственной российской политической культуре, и характеристиками современной демократической модели. В процессе анализа используются результаты социологических опросов. Делается вывод о воспроизводстве традиционных российских аспектов образа власти.

Ключевые слова: образ власти; традиционная модель; современная модель; источник власти; персонификация; единовластие; централизация.

Образ власти как социокультурный феномен.

Представления населения о том, что есть власть, каковы её обязанности, функции, структурные элементы, каковы должны быть её действия в тех или иных случаях – все это вместе складывается в определенный образ власти, свойственный конкретной политической культуре.

Под образом власти мы будем понимать «систему представлений общества о власти, включающую базовые аспекты (понятие о её сущности, функциях, форме, обязанностях и т.д.) и конъюнктурные аспекты (ожидание от конкретной власти определенных социально-политических действий)» [1. С. 16]. Конъюнктурные аспекты в большей степени связаны с отражением объективной действительности, а базовые – со смысловыми интерпретациями. Сосредоточим внимание на базовых аспектах, поскольку «политическое восприятие в основном направлено на смысловые и оценочные интерпретации политических объектов, нежели на отражение объективной действительности» [2. С. 152]. Именно базовые аспекты образа власти формируются как социокультурный феномен конкретного общества в зависимости от исторического контекста его развития.

Исторические пути развития восточной и западной культуры обусловили различия в системе властных отношений. Они отразились в политической культуре народов России и стран Запада, получив практическое воплощение в различных моделях их отношения к власти. Эти различия отражены в базовых характеристиках образа власти, которые имеют свои социокультурные особенности в каждом обществе. Для российского образа власти имманентны такие характеристики, как персонификация, единовластие, централизация, иерархичность в числе прочих структурных и функциональных аспектах [1. С. 272]. По мнению политологов, «в отличие от восприятия как такового, политическое восприятие обусловлено политическим и историческим контекстом, социокультурными особенностями исторического процесса» [2. С. 152], поэтому различным политическим культурам присущи разные базовые характеристики образа власти. Рассмотрим базовые характеристики образа власти в России и основные отличия восприятия власти в российской и западной политических культурах.

Традиционная и современная модели. Восприятие власти в России существенно отличается от восприятия власти населением западных стран. Эти от-

личия подмечались философами, публицистами да и просто думающими людьми уже давно. В частности, в 1892–1896 гг. Схиархимандрит Варсонофий (Плиханков) писал в своих «Келейных записках»: «Преданность Православного русского народа к Царям своим совсем не то, что преданность западных народов к их государям. По современным западным понятиям, государь есть ничто иное, как представитель своего народа – и народы западные любят своих представителей и охотно повинуются, когда они верно выполняют своё назначение. На Западе в своих государях народы любят лишь самих себя. Если король по личному своему характеру не в состоянии быть верным отражением господствующих в народе стремлений, идей и страстей, то ограничивают и сжимают его волю посредством конституционных тисков. Если же король не поддается этим усилиям и не в силах поддаваться под вкус и характер подданных, то лишается не только любви народной, но и престола, как это было с Карлом X и с Людовиком-Филиппом и с сардинским королём Альбертом. Совсем не то у нас в России: наш Царь есть представитель воли Божьей, а не народной. Его воля священна для нас, как воля помазанника Божия; мы любим его, потому что любим Бога» [3. С. 44].

Назовем такую модель образа власти, характеристики которой зиждутся на особой преданности народа своим царям, *традиционной* или исконной российской моделью, так как она зародилась и сформировалась вместе с зарождением и образованием России (т.е. искони).

Образ власти включает в себя установочные, структурные, функциональные, оценочные и другие характеристики, которые логически связаны между собой. В частности, в образе власти есть такая установочная характеристика, как идея *служения*. В традиционной российской модели она трактуется так: «власть» – это то, чему нужно и должно служить. Прежде в царской армии говорили: «Служу царю и отечеству». А царь в глазах народа являлся представителем Бога на земле, непосредственным выразителем божественной воли. Поэтому служить царю и служить Богу было почти равносильной добродетелью. В исконной российской модели харизматическое отношение к верховному правителю превалировало над рациональной оценкой его личных качеств.

В отличие от традиционной российской модели, к примеру, американская модель взаимоотношений

народа и власти предполагает противоположное направление *служения*. Верховный представитель власти, избранный народом, служит народу, а не народ служит ему. Поэтому отношение к власти и её верховному представителю спокойное, ровное, без примеси мистики, в какой-то степени напоминающее отношение к обслуживающему персоналу. Это отношение к своему правителю характерно для демократической идеи и является её логическим следствием. Такая установочная характеристика имманентна *современной модели* образа власти.

Необходимо пояснить, что противостояние *традиционной* и *современной* модели рассматривается здесь в классическом варианте как сформулированная Ф. Теннисом оппозиция *Gemeinschaft* и *Gesellschaft*, но без учета расширенной социально-философской трактовки, а напротив, как локализованная в рамках властных отношений.

Современная модель властных отношений является доминирующей в развитых странах в *современном* мире по формальным показателям, откуда, собственно, и произошло её название.

Демократическая концепция привнесла в Россию *современную* модель образа власти, которая противостоит *традиционной* российской модели. Для России следование новой модели означает ориентацию на западные образцы властных отношений и постановку задачи – догнать в культурно-цивилизационной перспективе Запад (или Америку). Современная модель образа власти вступает в противоречие с исконной российской моделью образа власти. Собственно, эти противоречия не есть противоречия между прошлым и настоящим, как может показаться из дихотомии понятий «традиционность» и «современность», эти противоречия, скорее, являются противоречиями между Востоком и Западом, которые существовали во все времена обозримой истории России.

Есть риск обмануться, полагая, что если в политических культурах разных стран существуют институты власти, идентичные по наименованию и устройению, то они идентичны и по содержанию. Так, например, монархия в дореволюционной России имела неприметные, на первый взгляд, но существенные отличия от монархии западных стран. По утверждению современных политологов, некоторые элементы сегодняшнего демократического института были заимствованы из монархической идеологии. Например, политолог М.В. Ильин пишет, что «представительство» (имеются в виду думские и прочие выборы) не было изобретено демократами, а развилось как средневековый институт монархического и аристократического правления. Как он полагает, вполне справедливо считалось, что представительство в корне противоречит прямому участию в принятии решений, т.е. собственно демократии, являясь её логической антитезой. «И действительно, авторитаризм в своей логике есть последовательное проведение принципа представительства, делегирования власти авторитету, т.е. отчуждение её у множества и передачи немногим или даже одному лицу. В пределе – это самодержавие, предполагающее лишение всех и каждого субъектности в пользу единственного актора-самодержца» [4. С. 158]. Этот

вывод может быть справедлив по отношению к монархиям западного типа. Но самодержавие в российском варианте – это вовсе не представительство, не делегирование власти от народу к царю, а нечто противоположное. В России народ не наделял самодержца властью, а признавал его власть. И признавал потому, что считал, что монарха наделил властью сам Бог. В России царь царствовал не от имени народа, но от имени Бога. Вектор делегирования власти в российском случае направлен сверху вниз: от Бога, к царю и далее к народу, а не снизу вверх (от подданных к монарху), как при представительстве. Получается, что хотя формы правления носят одинаковое название «монархия», они имеют существенные идеологические различия, которые и предопределили дальнейшие пути их трансформации. Неудивительно, что «представительство», проросшее из монархии западного типа, в итоге обратилось в свою «логическую антитезу», как окрестил демократию М.В. Ильин. Имея зримое логическое противоречие, они имеют незримое сущностное сходство – одинаковое направление «вектора власти», который является одной из базовых характеристик образа власти.

Если представить модель властных отношений в виде геометрической фигуры, то традиционной моделью для России является остроконечная пирамида (верх – правитель, основание пирамиды – народ). Пирамидальная форма адекватна монархической идее. Чем выше, тем более сконцентрирована власть. Демократическая идея же представит властные отношения в виде перевернутой пирамиды. Основание пирамиды – народ – оказывается сверху, так как именно народ теоретически является основным актором власти. А острей пирамиды (правитель) находится внизу, так как «повеления» народа спускаются к нему и правитель должен их выполнять.

Это характеристики различных моделей образа власти являют собой выпуклые, почти зримые идеологические различия между российской монархией и западной демократией (между исконной российской и современной моделью образа власти) и тем самым предопределяют систему государственных органов, адекватную для каждой модели.

О противоположности геометрических фигур образа власти в России и на Западе говорит доктор философии В.И. Россман, проживающий сейчас в США (Остин) [5. С. 38–50]. Он считает, что доньше не закончено идеологическое противостояние двух древних философов: Платона и Аристотеля. И тот и другой пытались создать концепцию государства. По мнению Россмана, концепция государства Платона и его основные идеи были впитаны Россией с момента её появления на карте мира, и с тех пор преломляются в элементах её государственного устройства в том или ином причудливом виде. А «пирамида власти Платона», – утверждает он, – «это перевернутая пирамида власти западного общества» [Там же. С. 39]. Если во главе «Государства» Платона находятся философы-цари, вооруженные правильной идеологией и абсолютным знанием; за ними следуют воины стражи, призванные обеспечить безопасность граждан; а только после них идут ремесленники и торговцы, то в

западном «капиталистическом обществе на вершине пирамиды располагаются торговцы (генеральные директора крупнейших корпораций); за ними следуют ремесленники (включая инженеров и программистов, автомехаников и бухгалтеров); за ними военные, и уж потом, в поддонных слоях общества, располагаются философы-цари и прочие гуманитарии». В. Росман замечает, что «в противоположность западной пирамиде власти даже постсоветская русская иерархия сохраняет некоторую верность платоновской идее идеократии и воспроизводит платонову пирамиду в причудливых модификациях» [5. С. 40]. Причудливые модификации характерны и для демократии: в российском варианте она преобразуется в «управляемую демократию», «суверенную демократию» и т.п.

Таким образом, можно видеть, что характеристики образа власти, такие как источник власти, направленность вектора и так называемая пирамида власти противостоят друг другу в различных моделях образа власти – традиционной и современной.

Это противостояние отражается в противоречиях между воззрениями населения на власть и содержанием официальных документов. Формально Россия приняла современную модель властных отношений, которая закреплена в Конституции РФ. Любопытно, что действующая Конституция провозглашает современную модель образа власти, а в общественном мнении доминирует традиционная модель. Так, например, согласно опросу ВЦИОМ, «главным источником власти и носителем суверенитета в нашей стране является не народ, как написано в Конституции, а Президент... 55% населения уверены в том, что глава государства и суверенитет – одно и то же. Формально лишь 23% участников всероссийского исследования верят в российскую демократию и полагают, что власть в нашей стране принадлежит... народу» [6].

Власть в России обычно персонифицирована с главой государства, поскольку именно он, по мнению народа, является *источником власти*.

Сергий Булгаков в своем философском сочинении «Свет Невечерний», пытаясь определить религиозную и мистическую природу власти, пишет: «Очевидно, власть имеет отношение к самому существу человеческого духа, и надо, прежде всего, отвергнуть рационалистические измышления “просветительства”, будто власть и право кем-то изобретены, произошли вследствие “общественного договора” или свободного соглашения... Власть излучается произвольно и возникает органически и конкретно как историческая власть... Она присуща всему человечеству и складывается из способности повелевать и повиноваться, из авторитета и лояльности, которые суть лишь два полюса власти... Истинная власть принадлежит одному Богу, земная же власть есть символ Божьего всемогущества» [7. С. 391–392]. В традиционной российской модели образа власти источник власти имеет сакральную природу, поэтому власть персонифицирована с именем верховного правителя государства как носителя этой сакральной власти.

Персонификация. Исконная российская модель образа власти включает в себя такую установочную характеристику, как *персонификация*. Персонифика-

ция власти предполагает восприятие власти не как политического института, а как конкретной личности, в которой эта власть воплощается. Личным качествам представителя власти придается большее значение, чем законотворчеству.

Восприятие власти, вписанное в мировоззренческие многовековые российские социокультурные традиции, не просто отличается от современной демократической модели образа власти, а противостоит ей логически, если так можно выразиться, «воюет» с ней за каждую «высоту». И одна из «баталлий» – это противостояние концепций персонификации и деперсонификации власти.

В спорах о роли личности в истории сломано немало копий. Есть мнение, что личность представителя власти не должна влиять на функционирование общества во избежание подрыва его стабильности. Демократическая концепция, отображенная в современном образе власти, пропагандирует деперсонификацию власти. Человек, облеченный властью, представляется чем-то вроде необходимой детали в хорошо отлаженном механизме. Эту деталь не только можно, но и нужно менять, скажем, каждые четыре-пять или шесть лет. Схема управления строится таким образом, чтобы система работала независимо от того, кто именно, занимает в ней определенное место. Современная модель образа власти направлена на решение задачи – свести до минимума влияние личности на историю, унифицировать систему управления, обезопасив её от любых неожиданностей, связанных с индивидуальными чертами характера людей. Главное – это закон, который диктует систему управления и обозначает её функции.

Но в российском менталитете роли личности во власти традиционно придается ключевое значение. Для русских мыслителей «личность» во власти была краеугольным камнем государственного строительства. И.А. Ильин настаивал: «Править государством должны лучшие люди страны, а народ нередко выбирает не лучших, а угодных ему льстецов и волнующих его бессовестных демагогов», – и грозил: «Демократия, не умеющая выделить лучших, не оправдывает себя; она губит народ и государство и должна пасть» [8. С. 246]. Понятие личности – исходный пункт философии Н.А. Бердяева. Личность, по мнению Бердяева, «есть онтологическая реальность, она входит в иерархию онтологических реальностей. Личность предполагает реальность других личностей и реальность того, что выше и глубже её. В номиналистическом индивидуализме личность разлагается и распадается» [9. С. 59]. Бердяев усмотрел внутреннее противоречие личностного и демократического начала: «Демократия неблагоприятна появлению сильных. Ярких, творческих личностей, она создает нивелирующую общественную среду, которая стремится целиком поглотить личность и подчинить её себе. Ваше демократическое мнение есть самая страшная из тираний, оно угнетает дух человеческий, подрезывает крылья» [Там же. С. 169].

С тем, что власть в России воспринимается народом персонифицировано, согласны многие современные исследователи. Это стало общим местом, поэто-

му, например, Ю.С. Пивоваров утверждает это в аксиоматичной форме: «Русская власть предполагает режим персонификации» [10. С. 26]. А в связи с режимом персонификации «русская политическая традиция предполагает наличие явно обозначенного лидера» [11. С. 122]. С приходом к власти нового человека народ ожидает изменений: «новая скрипка по-новому играет». То есть происходит своеобразная легализация того факта, что специфика управления, а подчас и его форма могут определяться характером и личными свойствами конкретного представителя власти. А во время избирательных процессов населению не столь важно читать программы кандидатов, сколь важно видеть лицо того человека, которого он выбирает. Российского избирателя черты характера и конкретные поступки будущего представителя власти интересуют гораздо более той концепции, которую выдвигает последний. Логика населения проста: по внешности и по поступкам люди пытаются «угадать», каких действий можно ожидать от кандидата, насколько он «хорош», какова та «концепция», по которой он живет сам, так как она может существенно отличаться от декларируемой.

Власть не мыслится населением как коллективная форма, образ власти всегда непосредственно связан с определенным действующим лицом. А.И. Соловьев пишет, что политическое пространство в России отмечено «обоюдно согласным отношением к парламенту со стороны элитарных и неэлитарных слоев как к “ненастоящей”, вторичной, показной власти» [12. С. 21]. Поэтому «настоящими выборами» или выборами реальной власти население считает выборы президента страны в отличие от выборов в Государственную Думу или в местные законодательные органы. Последние признаются российским обществом второстепенными, малозначащими. Зачастую гражданами игнорировались выборы в законодательные органы власти (особенно на местном уровне) в противовес более-менее массовому участию их в выборах президента и губернаторов.

Более того, все чаще народ полагает, что Государственная Дума и Совет Федерации – это просто лишние, ненужные органы. «Число россиян, полагающих, что страна может обойтись без Государственной Думы и Совета Федерации, выросло весьма существенно: с 29% в 1997 г. до 40% в 2016 г. При этом тех, кто полагает, что возможно обойтись без многопартийной системы, чуть больше половины (52%). Тех, кто убежден, что эти институты “очень важны”, что без них политическая система страны эффективно функционировать не может, сегодня совсем немного (12–13%)» [13. С. 19]. А как же быть с законами, если упразднить Государственную Думу? Разве россияне считают законы излишней роскошью?

Отношение к закону в России неоднозначное. Не то, чтобы россияне не уважали законность. Но русского человека раздражает именно тот случай, когда «крайняя законность» превращается в «крайнюю несправедливость». Это дает основание И.А. Ильину вынести вердикт: «Формально-буквенное, педантически-мертвенное применение закона не есть законность, а карикатура на неё» [8. С. 258]. Неприятие

чисто формальной законности преобразует и формализованные структуры. «Дух христианской любви проник, по мнению И.А. Ильина, и в русскую юриспруденцию с её исканием справедливости» [8. С. 317].

Известно, что идеал западного образа правления – это власть законов, а не власть какого бы то не было любого субъекта власти. В России закон традиционно уступает свои приоритеты главе государства. Именно поэтому личные характеристики представителя высшей власти имеют столь судьбоносное значение для нашей страны. Предсказуема критика такого положения дел в России со стороны Запада, но и современные российские ученые тоже готовы критиковать «обезличенное» либеральной демократической идеей западное общество, отстаивая право на мировоззрение, предполагающее режим персонификации власти. Например, по мнению А.Н. Фатенкова, «Коренной порок либерализма заключается в стремлении одну обезличенную инстанцию (анатомически трактуемого индивидуума) ограничить другой, еще более обезличенной (институциональной социальной структурой). В результате либеральный проект предстает, по образному выражению В.Ф. Одоевского, «городом без имени» [14. С. 165].

Персонификация власти включает в себя набор логических следствий, prestaющих в виде структурных характеристик образа власти: *единовластие, централизация, иерархичность*. Установочные характеристики образа власти формируют её структуру. Или, используя святоотеческое изречение, «дух творит себе формы».

Единовластие. Единовластие предполагает передачу всей полноты власти в государстве в руки одного человека. Единоличная власть на протяжении многих веков была исторической традицией России, даже когда самодержавный царь сменялся генеральным секретарём или президентом, менялось лишь название должности, но сама суть власти.

Концепция единовластия не просто противоречит демократической концепции, она её разрушает. Основопологающей идеей демократии является ограничение единоличной власти путем разделения властей. Предполагается, что правителя, как бы ни был он хорош, необходимо контролировать. Демократическая система сдержек и противовесов создана для разрушения единоличной власти. Для демократического сознания наивысшей крамолы является идея передачи власти в руки одному человеку.

В современной России результаты социологических исследований доказывают включенность концепции *единовластия* в российский образ власти. По результатам исследований Института общественного мнения «Квалитас» (в рамках инициативного мониторинга, проводимого Институтом с 1998 по настоящее время, ежемесячно опрашивается от 600 до 1 000 жителей города Воронежа по репрезентативной для городского населения выборке методом личного интервью), большинство населения ничего не имеют против перспективы передачи всей полноты власти в государство одному человеку. В январе 2018 г. при ответе на вопрос: «С каким из двух противоположных суждений Вы согласны: “нельзя до-

пускать, чтобы власть в России была отдана в руки одного человека» или «в стране должен быть хозяин – нашему народу нужна сильная рука»?», – большинство воронежцев (63%) ответили, что в стране должен быть единый хозяин – «сильная рука». Именно такую власть народ признает «правильной» и заслуживающей уважения. Только 26% горожан выразили по этому поводу опасения [15]. Каждый десятый опрошенный при этом затруднился ответить на вопрос.

В то же время азы демократической теории говорят о том, что нельзя допускать сосредоточение власти в стране в руках одного человека. Многие политические инструменты направлены на это, в том числе система разделения властей и ограничение срока правления. Но традиционное представление народа о власти противоречит азам демократии.

Этот вопрос прозвучал для воронежцев трижды: в 2001, 2008 и 2018 гг. Изменения, произошедшие в восприятии власти за этот период, отображены на рис. 1.

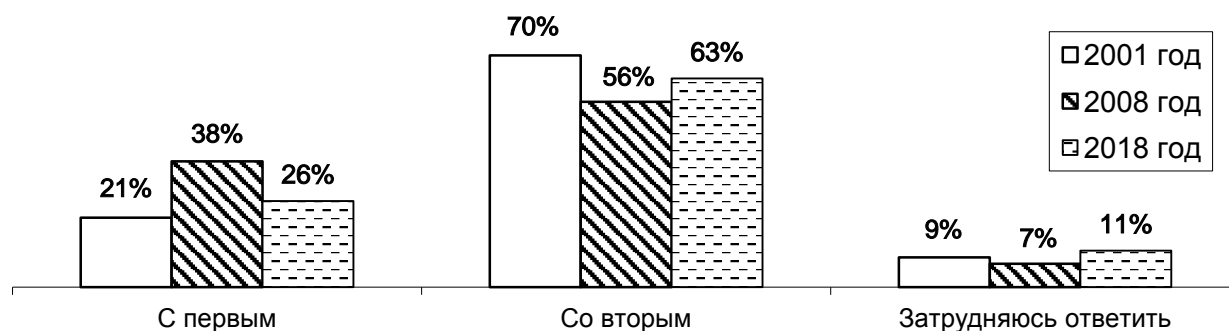

Рис. 1. С каким из двух противоположных суждений Вы согласны: «Нельзя допускать, чтобы власть в России была отдана в руки одного человека» или «В стране должен быть хозяин – нашему народу нужна “сильная рука”»?

В 2018 г. мы прокомментировали обнаруженные в результате опросов тенденции так: «В 2001 году, в начале “правления” В. Путина, после демократического эксперимента Б. Ельцина тоска народа по сильной и авторитетной власти была особенно велика – тогда 70% опрошенных желали видеть истинного «хозяина» во главе государства. В 2008 году жажда народа по сильной власти была в некоторой степени удовлетворена, персонифицировавшись в лице В. Путина. В результате число желающих «сильной руки» снизилось до 56%. Но привычка к стабильности и страх её лишиться поднимают вновь количество сторонников единовластия до 63% в 2018 году» [15. С. 3]. Несомненно, успех В. Путина объясняется тем, что он смог оправдать ожидания людей и в некоторой степени утолить жажду народа по сильной власти.

Следует отметить, что Воронеж в данном случае не является исключением, перевес суждений в пользу единовластия имеет общероссийский масштаб. По результатам опросов ФОМ, около 50% россиян выступают за передачу власти в руки одного человека, против этого – только 38% опрошенных [16. С. 35].

Умонастроение народа предопределяет действия власти. Не случайно власть стала концентрироваться в руках президента РФ, «в новой Конституции закрепился принцип президентской республики, а президент был наделен огромными правами, сравнимыми разве что с властью самодержца» [17. С. 121]. Исследователи утверждают, что форма нынешнего государственного устройства в России по формальным показателям напоминает конституционную монархию. Российский историк В. Старцев провел сравнительный анализ. Основных государственных законов от 23 апреля 1906 г. и Конституции 1993 г. и пришел к выводу, что полномочия «конституционного» монарха и президента различаются лишь по трем позициям: в

отличие от монарха, президент РФ не имеет права передавать свой пост по наследству, чеканить собственное изображение на монетах и монопольно распоряжаться «имуществом двора» [18. С. 61].

Единовластие вписано в мировоззренческие схемы жителей нашей страны, и в качестве характеристики образа власти задает нормативные параметры, которые служат причиной трансформации властных структур в соответствии с ожиданиями населения. Традиционный образ власти, присущий народным представлениям, ломает, трансформирует наложенный на него трафарет современной модели. Базовые аспекты исконной российской модели образа власти возрождаются как птица Феникс из пепла. Кстати, книга одного из современных российских исследователей системы власти доктора философских наук Владимира Дмитриевича Попова так и называется: «Полет птицы Феникс...» [19]. Птицей Феникс В.Д. Попов называет характер российской власти, который вновь и вновь возрождается, несмотря на реформы, революции, войны и другие общественные катаклизмы.

Единовластие как базовый аспект образа власти предполагает наличие другого аспекта – централизации власти.

Централизация. Централизация власти как базовый аспект образа власти подразумевает систему, управление которой осуществляется из единого центра, персонифицированного, как правило, с именем главы государства.

Современная модель, не возмозгшая перебороть традиционную российскую модель образа власти, начала трансформироваться в нечто иное, адаптированное к российским реалиям. Многие российские аналитики и публичные политики утверждают, что в России установился режим управляемой демократии

(её же назвали «суверенной» – впервые применил этот термин В. Сурков). Вектор власти, направленный «сверху вниз», логически соответствует идее централизации власти, которую не смогли пока ещё «выверить» из умов российских граждан ветры перемен. Идея централизация власти «крепко сидит» в головах россиян, даже если не осознаётся ими и не декларируется, поскольку она является одной из основополагающих структурных характеристик, формирующих образ власти.

Современной образ власти, заключенный в демократической идее, имманентно предполагает децентрализацию власти. Один из основополагающих принципов демократии – принцип разделения властей – непосредственно направлен против централизации власти.

В то же время «Централизация власти идет, и пока не понятно, кто и что может её остановить» [20. С. 109]. Такой вывод делает доктор социологических наук А.Е. Чирикова по результатам проведенного исследования, посвященного изучению мнения как представителей российской элиты, так и рядовых граждан страны. «Проведенный анализ, – пишет она, – позволяет говорить о том, что формы существования федерализма, если исходить из оценок региональных элит и экспертов, определяются, по их представлениям, не только и не столько действиями Центра, сколько поведением населения...» [20. С. 110]. Иными словами, централизация власти есть ответ власти на ожидания населения. Таким образом, централизация есть не столько воля центра, сколько воля населения России. Российские исследователи сегодня обращают внимание на то обстоятельство, что сложившаяся в РФ социальная среда по-прежнему благоприятствует воспроизводству (в общенациональном и региональном масштабах) центростремительных, и даже авторитарных тенденций [21. С. 105].

Иерархическая централизованная модель управления на Руси сложилась исторически в силу своей эффективности и социальной востребованности. В ходе эволюции представительства княжеской власти на русских территориях, постепенно объединившихся в рамках единого государства, в XII–XIV вв. была сформирована иерархически выстроенная моноцентричная управленческая модель. Эта модель, по мнению исследователей, позволяла сохранять от разрушения на протяжении многих веков обширную страну [22. С. 5]. Причины распада ССР А.Ю. Федоров усматривает в *разрушении традиционной для России модели взаимодействия между центральным и региональным руководством* [Там же. С. 15]. Централизация вписана в *традиционную модель* образа российской власти в качестве структурной характеристики. Децентрализация – принадлежность *современной модели* власти западного типа.

На Западе доминирует представление, что децентрализация ведет к повышению эффективности государственного управления. Так ли это на самом деле? Реальная ситуация противоречит прогнозам научной теории. По мнению российских политологов, децентрализация не создала предпосылок для повышения эффективности общественного сектора. Если уровни власти начина-

ют конкурировать между собой за экономические ресурсы, властные полномочия и популярность в глазах избирателей, результатом децентрализации может стать только снижение эффективности общественного сектора. «В этом случае мы фактически получаем игру с нулевой или даже отрицательной суммой, где единственный источник выигрыша – проигрыш конкурента» [23. С. 96]. Сходная картина, пишет В.Д. Нечаев, наблюдалась во многих странах третьего мира, вступивших на путь модернизации. Попытки инсталляции скроенных по западным образцам моделей местного самоуправления, как правило, приводили здесь к падению эффективности управления, конфликтам новых институтов местной власти с традиционными (вождями, старейшинами и т.д.) и распространению коррупции [22. С. 95].

В новейшей российской истории тоже можно найти немало примеров такого рода. Весьма показательна в этом плане развернувшаяся в 1990-е гг. борьба между губернаторами и мэрами столичных городов и областных центров, в ходе которой областное руководство, стремясь продемонстрировать неэффективность мэра в решении хозяйственных вопросов и тем самым добиться его провала на выборах, не гнушалось и такой мерой, как целенаправленное ограничение бюджета региональной столицы. Вместе с тем, напоминает В.Д. Нечаев, полезно вспомнить, что муниципальная реформа второй половины XIX в. привела к аналогичным последствиям. «Как показывает в своем блестящем очерке “Земские учреждения и самоуправление” В. Безобразов, выведение земских учреждений за пределы системы государственной власти и тогда обернулось падением эффективности публичного управления, что проявилось в слабой координации усилий государственной бюрократии и земств, в их взаимном недоверии и конкуренции, повлекшей за собой увеличение налогового бремени (цит. по: [23. С. 96]). Следует вывод, что причины возникновения игр с нулевой суммой в отношениях между автономными уровнями власти носят не личный, а системный, институциональный политико-экономический характер.

«Властечетричность», как считает Ю.С. Пивоваров, является ключевой характеристикой российской политической культуры. «Властечетричность» предполагает выстраивание «вертикали власти». Процесс централизации власти начался ещё при первом Президенте РФ. «Централизация власти в руках президента, – замечает И.К. Пантин, – меньше всего была выражением амбиций Ельцина и его окружения, хотя амбиций у них было достаточно... Не ошибки и не злая воля правителей толкали к централизации власти» [17. С. 121]. Общая тенденция социальных настроений латентно, но неизбежно преобразовывала властные конструкции. Отмена прямых выборов губернаторов в 2004 г. была предопределена совокупностью социальных, политических и экономических причин, а также такой характеристикой образа власти в России, как *централизация*.

Вообще, в современном пространстве постмодерна нет центра в привычном понимании. Мишель Фуко, пытаясь осмыслить систему отношений власти в кон-

цептуальном ключе, приходит к выводу, что в современном обществе власть более не имеет единого центра, будучи разлитой по всему целому. По словам немецкого социолога Лумана, современники живут в обществе без вершины и без центра, в котором в результате функциональной дифференциации и центробежных социальных процессов сегодня больше невозможно помыслить единства внутри общества.

Но у современного человека остается мощная психологическая потребность в центре и пространственно-социальной иерархии. Живучесть этой концепции, по мнению философов, связана с глубоко укорененной психологической потребностью – со своего рода «инстинктом центра» и инстинктом сакрального. Механизм центрирования человека предстает как возможность спасения его от повседневного отчуждения и одиночества. «В традиционных цивилизациях центр открывал дорогу на небо, будучи вертикалью восхождения. В современной цивилизации небо удалилось от нас настолько далеко, что понимание самой концепции центра мира требует от современного человека значительного усилия. Ведь там, где полицентризм, нет больше круговращения по единым орбитам и нет ощущения сакральности. Современная культура – это не культура вокруг, а культура около...» [24. С. 57]. Постмодернистское пространство подчеркнуто ацентрично и неиерархизированно. Тем не менее слухи о «смерти центра», как говорится, сильно преувеличены.

По итогам результатов исследований А.Е. Чирикова делает вывод, что в дальнейшем централизация будет усиливаться, «потому что сторонников этой идеи немало как среди элит, так и среди населения» [20. С. 107]. Процесс централизации, по её мнению, «открывает возможности для административного контроля, заменяя политические каналы коммуникации на иерархические» [Там же. С. 109]. Иерархичность является следствием процесса централизации.

Иерархичность. Иерархия власти есть «система последовательного подчинения структурных подразделений социальной власти от нижестоящего к вышестоящему» [25. С. 131].

Чрезвычайно любопытны в этом плане некоторые исторические документы. В частности, примечательна беседа, которая состоялась 12 декабря 1927 г. между митрополитом Сергием и делегацией к нему из четырех представителей епархии: епископа Гдовского Дмитрия (Любимого), профессора-протоиерея Василия Верюжского, протоиерея Викторина Добронравова и мирянина Алексеева, представляющего верующий народ. Делегаты принесли митрополиту письмо, в котором в числе прочих просьб и предложений содержалось настояние: «Отменить распоряжение... о возношении молитв за гражданскую власть».

Делегаты обосновали это требование следующим образом:

«– С религиозной точки зрения, наши правители – не власть.

– Как так, не власть? – изумился митрополит Сергей.

– Властью называется иерархия: когда не только мне кто-то подчинен, а я сам подчиняюсь выше меня

стоящему, и так далее, и всё это восходит к Богу, как источнику всякой власти.

– Ну, это тонкая философия, – с иронией заметил митрополит Сергей.

– Чистые сердцем это просто чувствуют. Если же рассуждать, то надо рассуждать тонко, так как вопрос новый, глубокий, сложный, подлежащий соборному обсуждению» [26. С. 150]. Отказ представителей православного народа называть советскую власть «властью», потому что она не являла собой «иерархию», весьма симптоматичен. Здесь отражена и сама идеологическая подоплека об «источнике всякой власти». Но, несмотря на то, что идеологическая подоплека в сознании российского народа стала размываться, принципы иерархичности во властных структурах выдержали испытание временем как имманентные народному представлению о власти в России.

Коммунистическая идеология, отвергая священство как класс, не смогла, однако, отказаться от идеи иерархии во властных отношениях. Более того, всячески пестовала эту идею как нечто непреложное и сакральное. На жесткую иерархию внутри коммунистической правящей партии обращали внимание отдельные исследователи. В частности, Арчи Браун – почетный профессор политологии Оксфордского университета – пишет: «Идеологии придавалось такое значение (особенно как оправданию жестко иерархической внутренней структуры коммунистической партии и её монополии на власть), что любые изменения в теории влекли за собой глубокие политические последствия» [27. С. 72]. Российский профессор Б.И. Кашников отмечает, что иерархическое общество обычно призвано для служения великой идеи [28. С. 29]. Тысячелетняя идея «святой Руси» требовала иерархической структуры земной власти, в соответствие с властью небесной. Великая идея построения коммунизма, т.е. «царства Божьего на земле», также воспроизвела иерархическую структуру власти. Несмотря на то, что место Бога в СССР стало «вакантным», представления о власти среди населения остались прежними, что способствовало возрождению традиционного иерархического принципа во властных структурах. Советское общество, на взгляд Б.И. Кашникова, следует понимать как иерархическое общество, вариацию на тему извращенного идеала Святой Руси. Более того, и «современное российское общество, – заключают философы, – является по-прежнему обществом иерархическим» [Там же. С. 40–41].

Хотя нынешнее постсоветское общество, несмотря на неоднократные потуги, так и не смогло породить какой-либо «великой идеи», во власти вновь воспроизводится традиционная иерархическая структура. Почему? Потому что именно такая структура присутствует в образе власти россиян, структура «пережила» свою идеологическую подоплеку. *Иерархичность является структурной характеристикой исконной российской модели образа власти.*

Иерархичность как структурная характеристика традиционной российской модели образа власти противоречит современной демократической модели, которая направлена на разрушение всякой иерархии.

Само переизбрание президента РФ через установленный законом срок символизирует то, что любой представитель нации может стать президентом, если его выберет народ. Следовательно, хотя иерархия и существует, но исключительно как условность. Частая смена президента «помогает» разрушать вновь и вновь иерархическую лестницу, едва она начинает формироваться.

Демократическая концепция поставила «на одну ступень» должности президента страны и губернатора, «уравнивая» их путем всенародных выборов. Поскольку губернаторов в России до определенного времени избирал народ, то они тоже находились на одной и той же ступени иерархической лестницы, что и президент. Отсутствие иерархической лестницы, как правило, исключает режим подчинения. Поэтому у Владимира Путина появилось основание провести реформу, направленную на укрепление «вертикали власти», для повышения эффективности управления страной.

Принцип разделения властей на *исполнительную, законодательную и судебную* в демократической схеме не предполагает никакой иерархии между ними. Все три ветви власти находятся, если так можно выразиться, на одном уровне, никакая из них не является «выше» или «ниже» другой, они обладают равной степенью власти, хотя и в разных сферах.

Однако результаты социологических исследований свидетельствуют о том, что в представлениях россиян вовсе не наблюдается равновесия между этими тремя ветвями власти, а «реальный вес для населения имеет лишь та власть, которая связана с исполнительной ветвью» [29. С. 40].

Социологи отмечают, что выстраивание иерархических отношений на уровне федеральный центр – регионы способствует угасанию конфликтов: «Проведенное исследование сопоставления оценок элит в 2004 и 2006 гг. ясно показало, что отношения между Центром и регионами со временем теряют свою остроту, превращаясь в отношения иерархического соподчинения» [20. С. 111].

Согласно результатам региональных социологических опросов Института общественного мнения «Квалитас», население выстраивает иерархическую лестницу от президента к губернатору и далее – к мэру, полагая, что в отношениях между этими звеньями имеет место строгий режим подчинения. Более того, в единую властную иерархию включается и законода-

тельная власть. *Властная структура не мыслится российскими гражданами вне иерархии.*

Российская власть воспроизводит иерархическую структуру, несмотря на провозглашенный принцип разделения властей, не потому, что представители власти имеют авторитарные амбиции, а потому, что иерархические схемы лежат в основе исконного образа власти, а профессиональный политик обязан воплотить эти схемы, иначе он потеряет доверие народа. Именно поэтому российская демократия приобретает черты «управляемости», иерархичности.

Вывод. В процессе социального взаимодействия на этапе социализации у личности формируется образ власти, который соответствует ценностно-нормативным установкам, свойственным определенной культуре. «Зерно культурной идеи» [30. С. 357] (термин Флоренского) прорастает, имея свою логику развития, и будучи «всеопределяющим культурным началом» [31. С. 256] (термин Киреевского) задает для данной культуры параметры образа власти. Динамика внутренней логики развития идеи культуры служит чем-то вроде «мотора» [32. С. 8] (термин Ионина), работа которого воспроизводит определенный образ власти из поколения в поколение и отражает его в повседневных практиках социальных взаимодействий.

Сформировавшаяся в иных социокультурных условиях *традиционная модель* образа власти в России противоречит *современной* модели в базовых аспектах образа власти (идея служения, вектор власти, пирамида власти, персонификация, единовластие, централизация, иерархичность и проч.). На невидимом фронте политической культуры идет как бы борьба между двумя моделями – традиционной и современной – образа власти. Исходом этой борьбы является воспроизводство характеристик образа власти, принадлежащих традиционной российской модели. Современные политологи свидетельствуют об этом: «Сложный процесс ценностных трансформаций в России привел к дифференциации ценностных ориентаций. Однако по прошествии 25 лет можно проследить некий фундаментальный вектор: органичные для политической и духовной жизни России глубинные ценностные основания воспроизводятся даже когда она проходит через резкие сломы, деформации, и интериоризацию ценностей модернизации [33. С. 181]. Традиционный образ власти является тем катализатором, который позволяет птице Феникс продолжить свой полет над Россией.

ЛИТЕРАТУРА

1. Формирование и воспроизводство образа власти в российском обществе / Н.А. Романович. Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2009. 400 с.
2. Палитай И.С. Трансформация образов власти и политических лидеров Великобритании под влиянием Brexit (на материалах европейских и американских СМИ за 2014–2017 гг.) // ПОЛИС. 2018. № 2. С. 150–162.
3. Плиханков (сх. Варсонофий). Келейные записки. М., 1991.
4. Ильин М.В. Российский выбор: сделан, отсрочен, отменен? // ПОЛИС. 2003. № 2. С. 157–163.
5. Россман В.И. Платон как зеркало русской идеи // Вопросы философии. 2005. № 4. С. 38–50.
6. Власть в России: по конституции и по жизни. ВЦИОМ. 2014. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=650> (дата обращения: 26.10.2018).
7. Булгаков С. Свет Невечерний. Созерцание и умозрение. М., 1917.
8. Ильин И.А. О грядущей России: Избранные статьи / под ред. Н.П. Полторацкого. М. : Воениздат, 1993. 368 с.
9. Бердяев Н.А. Философия неравенства / сост., предисл. и примеч. Л.В. Полякова. М. : ИМА-пресс, 1990.
10. Пивоваров Ю.С. Русская власть и публичная политика // ПОЛИС. 2006. № 1. С. 12–32.
11. Малинова О.Ю. «Политическая культура» в российском научном и публичном дискурсе // ПОЛИС. 2006. № 5. С. 106–128.

12. Соловьев А.И. Российский парламент: динамика в новейшей политической истории и перспективы развития // Общественно-политический журнал Власть. 2006. № 3. С. 20–24.
13. Петухов В.В. Кризисная реальность и возможность политической трансформации // ПОЛИС. 2016. № 5. С. 8–24.
14. Фатенков А.Н. Кто должен править: люди или законы, массы или личности? Апология экзистенциальной автократии // ПОЛИС. 2005. № 2. С. 165.
15. Ежемесячный Бюллетень социологических сообщений по городу Воронежу / под ред. Н.А. Романович. № 2018-01. Воронеж : Институт общественного мнения «Квалитас», 2018. URL: <http://qualitas.ru/publications/bulletin/2018/January> (дата обращения: 12.10.2018).
16. Кертман Г.Л. Московские аномалии: экскурсия по Георейтингу // ПОЛИС. 2006. № 6. С. 24–36.
17. Пантин И.К. Выбор России: характер перемен и дилеммы будущего // ПОЛИС. 2007. № 4. С. 113–135.
18. Россия в условиях трансформаций. Историко-методологический семинар. М., 2002. Вып. 20.
19. Попов В.Д. Полет птицы Феникс (историко-коммуникативный анализ системы власти). М., 2007. 252 с.
20. Чирикова А.Е. Вертикаль власти в оценках региональных элит: динамика перемен // ПОЛИС. 2008. № 6. С. 98–112.
21. Миронюк М.Г. Человеческое измерение федерализма. Федералистские теории и тенденции развития федеративных отношений в России // Политические исследования. 2003. № 3. С. 98–108.
22. Федоров А.Ю. Институт представительства центра в регионах: от древней Руси до распада СССР // Власть. 2006. № 9. С. 3–15.
23. Нечаев В.Д. Децентрализация, демократизация и эффективность // ПОЛИС. 2005. № 3. С. 92–101.
24. Россман В.И. Мистерия центра: Идентичность и организация социального пространства в современных и традиционных обществах // Вопросы философии. 2008. № 2. С. 42–57.
25. Кравченко С.А. Социологический энциклопедический русско-английский словарь. М. : Транзиткнига, 2004.
26. Цыпин Владислав прот. Русская церковь 1925–1938. Издание Сретенского монастыря, 1999. 230 с.
27. Арчи Браун. Горбачев, Ленин и разрыв с ленинизмом // ПОЛИС. 2007. № 6. С. 71–86.
28. Кашников Б.Н. Исторический дискурс российской справедливости // Вопросы философии. 2004. № 2. С. 29–42.
29. Шестопал Е.Б. Новые тенденции восприятия власти в России // ПОЛИС. 2005. № 3. С. 137–151.
30. Флоренский П.А. Троице-Сергиева Лавра и Россия / Флоренский П.А. Сочинения : в 4 т. М.: Мысль, 1994. Т. 2.
31. Киреевский И.В. О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России / Киреевский И.В. Критика и эстетика. М., 1979.
32. Ионин Л.Г. Социология культуры: путь в новое тысячелетие. М. : Логос, 2000.
33. Мчелова М.М. Судьба человека и судьба общества: 25 лет в пути // Полис. Политические исследования. 2016. № 5. С. 175–182.

Статья представлена научной редакцией «Социология и политология» 26 марта 2019 г.

The Image of Power in Russia and Its Basic Characteristics

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 444, 110–119.

DOI: 10.17223/15617793/444/13

Nelly A. Romanovich, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEP), Voronezh Branch (Voronezh, Russian Federation); Public Opinion Institute “Qualitas” (Voronezh, Russian Federation). E-mail: nelly@qualitas.ru

Keywords: image of power; traditional model; modern model; source of power; personification; autocracy; centralization.

The problem raised in the article lies in the contradiction between the idea of political power reforms in Russia, which are reflected in the Constitution of the Russian Federation, and the actual process of their implementation, which was not realized according to the plan. The democratic ideology borrowed from Western political culture faced unforeseen difficulties of a sociocultural nature. The power structures began to reproduce features common for the Russian tradition, but not peculiar to the democratic idea. The author aims to identify the reasons for the reproduction of traditional Russian schemes and principles of power relations contrary to the original plans of the reformers. The author analyzes the image of power peculiar to the Russian political culture and identifies its basic characteristics: personification, centralization, hierarchy, autocracy and others. It is proved that each political culture has its own image of power which was formed as a result of a long historical process. The theoretical and methodological basis of the research is a set of different approaches: sociocultural, structural and functional, comparative-historical. The sociocultural approach determined the specificity of the theoretical concept of the developing mechanism of attitude to power formation and the essence of the main categories used in it. The structural and functional approach was used to determine the structure-forming elements of the power image; it contributed to their operationalization in the research theoretical concept and empirical verification of the original sociological concepts. The comparative-historical method allowed to substantiate the historical conditionality of the basic characteristics in the mechanism of attitude to power formation and to compare the models of the power image in different cultures. The author analyzes the public opinion obtained from sociological surveys of both national and local character, compares the basic features of the power image characteristic of the Russian and Western political tradition and concludes that they are opposite to each other since they are based on different historically conditioned, cultural, religious, national and ethnic traditions reflected in values and norms. The author proves that attempts to introduce the power image formed in a different cultural tradition into a destroyed society switch on the mechanism of social regeneration that restores aspects of destroyed social relations. The author comes to the conclusion that the political reforms carried out without taking into account the historically formed attitude to power of most of the country's population will not provide a democratic way of Russian society development. The article proves that the dominance of a basic model's particular type of power image (traditional or modern) in the mass consciousness predetermines the vector of sociopolitical changes.

REFERENCES

1. Romanovich, N.A. (2009) *Formirovanie i vosproizvodstvo obraza vlasti v rossiyskom obshchestve* [Formation and reproduction of the image of power in Russian society]. Voronezh: Voronezh State University.
2. Palitay, I.S. (2018) Transformation of Images of Power and Political Leaders of Great Britain Under the Influence of Brexit (on Materials of European and American Media, 2014–2017). *Polis – Political Studies*. 2. pp. 150–162. (In Russian). DOI: 10.17976/jpps/2018.02.11
3. Plikhankov (Schema-Archimandrite Varsonofiy). (1991) *Keleynye zapiski* [Cell Notes]. Moscow: [s.n.].
4. Il'in, M.V. (2003) Rossiyskiy vybor: sdelan, otsrochen, otmenen? [Russian choice: made, delayed, canceled?]. *Polis – Political Studies*. 2. pp. 157–163.

5. Rossman, V.I. (2005) Platon kak zerkalo russkoy idei [Plato as a mirror of the Russian idea]. *Voprosy filosofii – Problems of Philosophy*. 4. pp. 38–50.
6. VTsIOM. (2014) *Vlast' v Rossii: po konstitutsii i po zhizni* [Power in Russia: in the constitution and in life]. [Online] Available from: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=650>. (Accessed: 26.10.2018).
7. Bulgakov, S. (1917) *Svet Nevecherniy. Sozertsanie i umozrenie* [Unfading Light: Contemplations and Speculations]. Moscow: Put'.
8. Il'in, I.A. (1993) *O gryadushchey Rossii: Izbrannye stat'i* [On the future Russia: Selected articles]. Moscow: Voenizdat.
9. Berdyaev, N.A. (1990) *Filosofiya neravenstva* [The philosophy of inequality]. Moscow: IMA-press.
10. Pivovarov, Yu.S. (2006) Russian Power and Public Policy (A Historian's Notes about the Reasons of Unsuccess of the Democratic Transit). *Polis – Political Studies*. 1. pp. 12–32. (In Russian). DOI: 10.17976/jpps/2006.01.02
11. Malinova, O.Yu. (2006) "Political Culture" in Russian Scientific and Public Discourse. *Polis – Political Studies*. 5. pp. 106–128. (In Russian). DOI: 10.17976/jpps/2006.05.08
12. Solov'ev, A.I. (2006) The Russian parliament: The dynamics in modern political history and development prospects. *Vlast'*. 3. pp. 20–24.
13. Petukhov, V.V. (2016) The Crisis Reality and Prospects of Political Transformation of the Russian Society. *Polis – Political Studies*. 5. pp. 8–24. (In Russian). DOI: 10.17976/jpps/2016.05.02
14. Fatenkov, A.N. (2005) Who Should Rule: People or Laws? Masses or Personalities? (Apologia of Existential Autocracy). *Polis – Political Studies*. 2. pp. 158–171. (In Russian). DOI: 10.17976/jpps/2005.02.15
15. Romanovich, N.A. (ed.) (2018) *Ezhemesyachnyy Byulleten' sotsiologicheskikh soobshcheniy po gorodu Voronezhu* [Monthly Bulletin of sociological reports on Voronezh]. Is. 2018-01. Voronezh: Institut obshchestvennogo mneniya "Kvalitas". [Online] Available from: <http://qualitas.ru/ru/publications/bulletin/2018/January>. (Accessed: 12.10.2018).
16. Kertman, G.L. (2006) Moscow Anomalies: an Excursion through the "Georating". *Polis – Political Studies*. 6. pp. 24–36. (In Russian). DOI: 10.17976/jpps/2006.06.03
17. Pantin, I.K. (2007) The Choice Facing Russia: Character of Changes and Dilemmas of the Future. *Polis – Political Studies*. 4. pp. 113–135. (In Russian). DOI: 10.17976/jpps/2007.04.08
18. Sulakshin, S.S. (ed.) (2002) *Rossiya v usloviyakh transformatsiy. Istoriko-metodologicheskii seminar* [Russia in the conditions of transformations. A historical and methodological seminar]. Is. 20. Moscow: FRPTs.
19. Popov, V.D. (2007) *Polet ptitsy Feniks (istoriko-kommunikativnyy analiz sistemy vlasti)* [The flight of the phoenix bird (A historical-communicative analysis of the power system)]. Moscow: Reklayn.
20. Chirikova, A.E. (2008) The Power Vertical in the Estimation of Regional Elites: Dynamics of Changes. *Polis – Political Studies*. 6. pp. 98–112. (In Russian).
21. Mironyuk, M.G. (2003) Chelovecheskoe izmerenie federalizma. Federalistskie teorii i tendentsii razvitiya federativnykh otnosheniy v Rossii [The human dimension of federalism. Federalist theories and trends in the development of federal relations in Russia]. *Polis – Political Studies*. 3. pp. 98–108.
22. Fedorov, A.Yu. (2006) Institut predstavitel'stva tsentra v regionakh: ot drevney Rusi do raspada SSSR [Representation of the center in the regions: from ancient Russia to the collapse of the USSR]. *Vlast'*. 9. pp. 3–15.
23. Nechaev, V.D. (2005) Decentralization, Democratization, and Efficiency (Reform of Federative Relations and of Local Self-Government in the Light of the Theory of Efficient Decentralization). *Polis – Political Studies*. 3. pp. 92–101. (In Russian). DOI: 10.17976/jpps/2005.03.08
24. Rossman, V.I. (2008) Misteriya tsentra: Identichnost' i organizatsiya sotsial'nogo prostranstva v sovremennykh i traditsionnykh obshchestvakh [Mystery of the center: The identity and organization of social space in modern and traditional societies]. *Voprosy filosofii – Problems of Philosophy*. 2. pp. 42–57.
25. Kravchenko, S.A. (2004) *Sotsiologicheskii entsiklopedicheskii russko-angliyskiy slovar'* [Sociological Encyclopedic Russian-English Dictionary]. Moscow: Tranzitkniga.
26. Tsypin, V. (1999) *Russkaya tserkov' 1925–1938* [Russian church in 1925–38]. Moscow: Izdanie Sretenskogo monastyrya.
27. Brown, A. (2007) Gorbachev, Lenin, and the Break with Leninism in Russia. Translated from English. *Polis – Political Studies*. 6. pp. 71–86. (In Russian). DOI: 10.17976/jpps/2007.06.08
28. Kashnikov, B.N. (2004) Istoricheskiy diskurs rossiyskoy spravedlivosti [Historical discourse of Russian justice]. *Voprosy filosofii – Problems of Philosophy*. 2. pp. 29–42.
29. Shestopal, E.B. (2005) New Tendencies of the Perception of the Power in Russia. *Polis – Political Studies*. 3. pp. 137–151. (In Russian). DOI: 10.17976/jpps/2005.03.12
30. Florenskiy, P.A. (1994) Troitse-Sergieva Lavra i Rossiya [The Trinity Lavra of St. Sergius and Russia]. In: *Sochineniya: v 4 t.* [Works: In 4 vols]. Vol. 2. Moscow: Mysl'.
31. Kireevskiy, I.V. (1979) O kharaktere prosveshcheniya Evropy i o ego otnoshenii k prosveshcheniyu Rossii [On the nature of the enlightenment of Europe and its attitude to the enlightenment of Russia]. In: Ovsyannikov, M.F. et al. (eds) *Kritika i estetika* [Criticism and aesthetics]. Moscow: Iskustvo.
32. Ionin, L.G. (2000) *Sotsiologiya kul'tury: put' v novoye tysyacheletie* [Sociology of culture: the way to the new millennium]. Moscow: Logos.
33. Mchedlova, M.M. (2016) Destiny of Man and Fate of Society: 25 Years in Transit. *Polis – Political Studies*. 5. pp. 175–182. (In Russian). DOI: 10.17976/jpps/2016.05.15

Received: 26 March 2019